

— Юй Циньинь! Я вызываю тебя на дуэль!

Ли Е резко вскочил, выхватывая меч из ножен. Юй Циньинь тут же спружинил и отпрянул на добрый десяток шагов.

— Скажешь правду — вы злитесь, соврешь — злитесь еще пуще. Ваше Высочество, чего же вы от меня ждете? Неужто прикажете мне ворковать над вами, точно над какой-нибудь прелестной демонией, и рассыпаться в нежных клятвах?

— Ты... — Ли Е опустил клинок и, помрачнев, направился к нему. — Так тебе нужна моя помощь или нет?

— Нужна, — поспешно кивнул Юй Циньинь. — Разумеется, нужна.

— Я помогу тебе уладить это дело. Но взамен ты научишь меня, как заставить мужчину полюбить себя.

«Ну и дела...» — Юй Циньинь мысленно взвыл. Наследный принц, мужчина до мозга костей, нес такую несусветную чушь! Да и сам Глава Павильона Юйсюань, признаться, не очень-то смыслил в подобных материях. Он был мастером в том, что касалось кутежей в веселых кварталах и мимолетного флирта с красавицами и красавцами, но никак не в делах сердечных, обещающих любовь до гроба.

Однако медлить было нельзя, и ради спасения ситуации Юй Циньинь был готов пойти на любой обман.

— Без проблем! Такое пустяковое дело — целиком на моей совести, Ваше Высочество.

В конце концов, он принадлежал к роду фениксов, извечных символов любви. Неужели он не сумеет свести двух людей лучше какого-нибудь Юэлао?

Ли Е сощурился и, сохранив на лице выражение легкого пренебрежения, кивнул.

Юй Циньинь знал его слишком давно, чтобы не заметить за напускной суровостью искреннее смущение. Ли Е вечно ходил с недовольным видом, но на деле был человеком слова и дела, на которого можно положиться. Правда, с таким несносным характером неудивительно, что путь к чужому сердцу для него оказался столь тернист.

Обсудив детали, Юй Циньинь решил не задерживаться в обители Дицзан-вана — дело не терпело отлагательств. Договорившись выпить как-нибудь на досуге, он покинул замок.

Едва он отошел от Города Фэнду, как путь ему преградило пышное белое облако, окутанное

призрачной дымкой. Не зная, кто перед ним, Юй Цинъинь отступил и замер в ожидании. Это облако отличалось от тех, на которых летали небесные небожители — оно было слишком круглым и плотным.

«Неужто кто-то из бессмертных так раздобрел?» — недоумевал он.

Пока он приглядывался, туман начал принимать очертания сухопутного зверя. В душе Юй Цинъиня шевельнулось беспокойство. Фениксы — птицы гордые, и с четвероногими тварями ладили редко. С добрыми ли намерениями этот некто преградил ему дорогу у ворот Города Фэнду?

Туман рассеялся, и вперед медленно вышел юноша. Волосы его были белы как снег, а кожа — блее чистого нефрита. Глядя на это изысканное, совершенное лицо, Юй Цинъинь мгновенно позабыл, что перед ним всего лишь оборотень-зверь.

Такое сочетание детской чистоты и мягкой, утонченной красоты было его слабостью. Самым любимым типажом из всех возможных.

В одно мгновение он уже решил, за кем будет ухаживать следующие сто лет.

— Позвольте спросить...

— Я — Дитин. По велению Дицзан-вана я должен передать весть Главе Павильона Юйсюань.

Юноша едва приоткрыл губы. Его голос, казалось, доносился из заоблачной дали, а с бледными, почти прозрачными устами он выглядел неземным.

Услышав имя его господина, Юй Цинъинь вздрогнул. Все недавние фантазии лопнули как мыльный пузырь. Путь его сердца оказался ничуть не светлее, чем у Ли Е. Надо же было так вляпаться: найти идеал и тут же осознать, что он принадлежит тому, кого лучше не гневать.

— Я слушаю. Какое напутствие оставил мне Почтенный владыка в Обители Дицзан-вана?

— Его Святейшество велел передать вам это письмо.

Юй Цинъинь принял из рук юноши листок, благоухающий нежным ароматом лотоса, и осторожно развернул его. К его удивлению, на бумаге было выведено всего пять слов:

«Девять смертей легки, а сердце — трудно».

Он перебрал в уме всё, что могло быть связано с этой фразой, но не нашел ни одной зацепки.

«Что этот великий владыка хотел сказать мне этими словами?» — недоумевал он.

— Сказал ли Почтенный что-нибудь еще?

Дитин лишь покачал головой.

Действительно, понять этого старца было невозможно. Впрочем, Дицзан-вана всегда было трудно разгадать и еще труднее — не задеть ненароком.

— Прощайте. Берегите себя, Глава Павильона Юйсюань.

Окутанный облаком дыма, Дитин принял облик зверя и исчез, растворившись в воздухе.

Юй Циньинь не успел вымолвить и слова. Верховое животное оказалось таким же загадочным, как и хозяин. А ведь он так хотел поболтать: спросить, давно ли юноша обрел человеческий облик, сколько ему лет, не связан ли он узами брака и не занято ли его сердце...

Дитин давно скрылся, а Юй Циньинь всё стоял на месте. Подойди кто поближе, он бы увидел, как тот страдает, досадует, обижается и глубоко разочарован. Столь живописное зрелище наверняка врезалось бы в память надолго.

Именно такое выражение лица когда-то запечатлел в памяти Симин. Тогда ситуация была похожей: Юй Циньинь встретил прекрасного юношу и решился заговорить, что заранее обрекло его на очередное фиаско.

Потому что тем юношей был Сяотянь Цюань, верный пес Эрлан-шэня — суровый брюнет с непоколебимыми принципами.

В его честном взоре и безупречных манерах читалась безграничная преданность хозяину и полное безразличие ко всем остальным. Но точкой в той истории стало даже не это, а то, что при первой же встрече Сяотянь Цюань гонял несчастного феникса вокруг храма Истинного Владыки целых два круга. Как бы ни был влюблен Юй Циньинь в ту красоту, связываться с Эрлан Чжэньцзюнем и его псом он больше не рисковал. Правду говорят: питомец всегда ходит на хозяина.

Потомившись в унынии, Юй Циньинь внезапно сжал кулаки, яростно стиснул зубы и, вскочив на облако, покинул Город Фэнду.

На Небесах, как обычно, царили тишина и покой.

Симин Синцзюнь выставил плетеное кресло в сад, под сень раскидистой акации. Сжимая в руках чарку с чаем, он лениво созерцал плывущие мимо облака, мысленно подбирая слова для торжественной оды. Но едва он успел издать восторженное «О-о-о!», готовясь излить душу в стихах, как его вдохновение было безжалостно растоптано явлением одной небесной птицы.

Юй Цинъинь возник перед ним внезапно. Вид у него был запыленный, а лицо — мрачнее тучи. Симин так перепугался, что выронил чашку, и чай расплескался по траве.

— Юй-цзюнь, что с тобой... случилось?..

Симин с опаской вглядывался в друга. Он давно не видел его в таком состоянии.

— Я...

Лицо Юй Цинъиня помрачнело — точь-в-точь как у Царя драконов Северного моря, когда тот узнал, что его сын предпочитает мужчин.

— Неужто тайна твоего маленького Нехуана о любви к срезанным рукавам раскрылась? — ляпнул Симин, вспомнив про того дракона.

Юй Цинъинь тут же материализовал свой белый веер из перьев и ощутимо огрел Симины по макушке.

— Это ты у нас любитель рукавов! Мой птенец еще даже летать толком не научился, какие еще рукава?

Симин заискивающе заулыбался и отступил на пару шагов, подумав про себя: «Это ты еще просто не знаешь всей правды о его делишках».

— Друг мой, ты ведь обещал навестить меня завтра. Почему же явился сегодня так внезапно? Я ведь и подготовиться не успел.

— У тебя еще хватает совести язвить мне? — Юй Цинъинь сделал шаг к нему. — Сколько кувшинов вина ты втихаря вылакал в моем Павильоне Юйсюань?

— Цин-Цин, давай поговорим спокойно! Что тебя так гложет?

— Ты!

Юй Цинъинь рванулся вперед, схватил Симины за ворот халата и, приблизив свое лицо к его, зловеще прошипел:

— Ты не знаешь, когда это Дитин, слуга Дицзан-вана, успел принять человеческий облик?!

Симин, опешивший от такого вопроса, не знал — плакать ему или смеяться.

— Недавно... Совсем недавно. Так ты встретил того юношу?

Юй Цинъинь отпустил друга и, задумчиво отведя взгляд, пробормотал:

— То-то он и пришел, и ушел в облике зверя.

Сердце Симины екнуло.

«Только не это... Неужели он на него позарился?»

Он принялся мысленно молить Небеса: «Боги, спасите будущее этой дикой птицы».

Симин передал неоконченные дела Да Симины и Шао Симины, хотя, признаться, никакой работы у него сегодня и не было. Юй Цинъинь обещал зайти завтра, но из-за встречи с Дитином всё переиграл. Впрочем, Симин предвидел нечто подобное и заранее освободил весь день.

Ведомый инстинктами, Юй Цинъинь в погоне за красотой забывал обо всём на свете. Стоило ему завидеть прелестное лицо, и мир вокруг переставал существовать. Симин в очередной раз вздохнул. Как он и ожидал, Юй Цинъинь действительно забыл о самом важном.

— Я пришел к тебе не из-за Дитина. Мне нужно кое-что проверить.

Юй Цинъинь был мрачен, и Симин невольно задумался: долго ли продлится его очередная «любовная» хандра?

— Что именно?

— Мне нужно взглянуть на Судьбу Су Ицю. Того, что сейчас в нижнем мире.

— Ох, — Симин замаялся. — Ты подозреваешь, что в его судьбу кто-то вмешался?

Юй Цинъинь без утайки рассказал ему историю с подменой Цинхо.

— Между настоящей и ложной Цинхо — пропасть. Су Ицю не может этого не замечать.

Хоть Юй Цинъинь еще не видел его лично, он знал: тот стал бессмертным под началом Вэньцзюя Синцзюня. Неужели он настолько глуп, чтобы не почуять подвоха?

— Видишь ли, в моих записях судьба Су Ицю остается неизменной. И смертное испытание, и испытание любовью идут своим чередом.

Симин мог казаться безалаберным, но к своим обязанностям относился со всей серьезностью и редко допускал ошибки.

— Вот как... Значит, всё идет так, как было предначертано изначально?

Симин не знал всех тонкостей дела — он лишь следил за тем, что написано в свитках. История с подменой была вне его власти: он мог лишь наблюдать, но не вмешиваться.

— И еще кое-что... О Му Сибаяе. Ты действительно ничего о нем не знаешь?

— О нем... Насколько я вижу, он — обычный смертный, лишенный всякой магии. Я и сам чувствую, что он непрост, но сколько ни пытался его прощупать — ничего не нашел. А ты? Вы ведь столько времени проводите бок о бок, неужели ты не заметил ничего подозрительного?

— Что значит «бок о бок»? — Юй Цинъинь закатил глаза. — Ты правда думаешь, что если парень симпатичный, я тут же прыгну к нему в постель?

Вокруг Му Сибая и так хватало загадок. Юй Цинъинь был не настолько глуп, чтобы отбросить подозрения лишь из-за красивого личика.

— Ты бы лучше о себе позаботился, — вздохнул Симин.

С тех пор как они подружились, он чувствовал себя старой нянькой, вечно опекающей непутевое дитя. Сам Юй Цинъинь никогда не замечал опасности, в которую влипал, и Симину приходилось переживать за него вдвойне.

— Насчет Эрлан Чжэньцзюня не беспокойся, я загляну к нему, «поболтаю» пару раз, он не станет чинить препятствий. Но, Цин-Цин... Ты и правда собираешься и дальше так жить?

<http://bllate.org/book/17464/1694524>